

Чибисова О. В.

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ВЗАИМООБМЕН ФОНДАМИ

Чибисова О. В.

Chibisova O.V.

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ВЗАИМООБМЕН ФОНДАМИ

YOUTH SUBCULTURES: CULTURAL INTERCHANGE

Чибисова Ольга Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Юбилейная, д. 15, кв. 73; 8-4217-27-62-00. E-mail: olgachibisova@yandex.ru

Ms. Olga V. Chibisova – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035, Komsomolsk-on-Amur, 15 Yubileynaya St., flat 73, 8 (4217) 276200, e-mail: olgachibisova@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются взаимоотношения молодежных субкультур на знаковом уровне. Для этого раскрывается содержание понятия «результаты взаимодействия культур», выявляются локальные особенности субкультурных взаимодействий. Делается вывод об одновременном сближении молодежных субкультур и их дифференциации.

Summary: The paper is concerned with youth subculture interactions at the sign level. For this purpose we define and describe the concept of «the results of intercultural communication», and reveal local peculiarities of subcultural cooperation. The conclusion is made that simultaneously the synchronous integration and differentiation of youth subcultures are taking place.

Ключевые слова: культура, молодежные субкультуры, взаимодействие, интеграция, дифференциация, локальные особенности.

Keywords: culture, youth subcultures, cooperation, integration, differentiation, local peculiarities

УДК 008

Результатом взаимодействия культур считается «изменение состояний, качеств, областей деятельности, ценностей той и другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей» [1].

При этом глубина и масштабность подобных изменений могут быть различными, или же в некоторых случаях результатом взаимодействия может стать и отсутствие изменения. Так, диалог культур, по М. Бахтину, может иметь следующие последствия:

1. Синтез, слияние разных точек зрения или позиций в одну общую.
2. При диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются.
3. Диалог приводит к пониманию принципиальных различий между участниками этого процесса, когда «чем больше размежевания, тем лучше, но размежевания благожелательного, без драк на меже» [2].

В. Н. Сагатовский причисляет к последствиям взаимодействия культур также и их конфликт как результат безуспешного диалога: «договориться не удалось, позиции оказались несовместимыми, затронуты принципиальные интересы, возможно (а иногда и необходимо) недиалогическое столкновение сторон» [7, 22].

И. Д. Колесин сопоставляет биологическую и социокультурную классификацию результатов взаимодействия культур, обозначая через «минус» отрицательное влияние, а через «плюс» – положительное и рассматривая каждый раз пару культур [4, 131]:

- (-/-) взаимное подавление культур;
- (-/+) ассимиляция (поглощение) первой;
- (+/-) ассимиляция второй;
- (+/+) взаимное способствование развитию.

Он поясняет, что данная классификация была заимствована из теории биологических популяций, в которой описывается лишь динамика численностей, в то время как социокультурная динамика – это не только динамика численностей, но и динамика духовных ценностей (эволюция сознания). Взаимодействие культур начинается с появления среди приверженцев ценностной системы А представителей другой системы – Б, что приводит в действие социально-психологические факторы. По мнению И. Д. Колесина, отображение взаимодействия культурных групп без учета социально-психологического фактора будет не более, чем перенос принципов экологии в отображение сугубо популяционной стороны культурологического процесса [4, 132].

Для нашего исследования также важны наработки в области взаимоотношений молодежной субкультуры и базовой культуры. Т. Б. Щепанская в работе «Символика молодежной субкультуры» [8, 321] определяет молодежную субкультуру как экстернальную культуру, то есть как культуру, выпавшую из магистрального пути развития доминирующей культуры. В зависимости от состояния общества на различных этапах его развития моделями взаимодействия базовой и экстернальной культуры могут быть «изоляция», «источник» или «инверсия». Так, культура «стабильного» общества является замкнутым образованием, то есть «изолятом», не впитывающим ценности экстернальной культуры. Социальные сдвиги способствуют изменению отношения к молодежной субкультуре, появляются тенденции к анализу молодежи как субъекта культуры и заимствованию некоторых из его форм культурной активности, духовных ориентиров и образа жизни – в этом случае экстернальная культура становится источником новых моделей развития. Следующий результат взаимодействия – «инверсия»: «то, что было нормами и символами исключенной культуры, становится основой нового принципа упорядочения общества, а прежний основной миф уходит в подполье» [8, 322]. В качестве примера инверсии Т. Б. Щепанская приводит результат взаимодействия базовой культуры с субкультурой хиппи: «Теперь, когда выходит книга, идеи, составлявшие ядро системного мировоззрения, частично восприняты сферой общепринятого, скажем, миролюбие, ненасилие (имеется в виду миф, а не практика), экологические ценности: теперь их модно заявлять как основу политических действий» [8, 324].

С точки зрения С. И. Левиковой описанный Т. Б. Щепанской результат взаимодействия культур не является инверсией, потому что «инверсия молодежной субкультуры и базовой культуры невозможна, а возможно лишь вхождение элементов молодежной субкультуры в базовую культуру, а также частичное обновление последней наработками молодежной субкультуры...» [5, 254]. Кроме того, она считает, что «ценности должны вырваться», прежде чем они займут свое место в ценностной иерархии доминирующей культуры. Этой же позиции придерживается С. Я. Матвеева, утверждая, что «не может быть и речи, чтобы „прижилась“ и развилась та инновация, которая в значительной степени чужда и далека общекультурному „ядру“... Скорее всего, она пройдет незамеченной, либо будет энергично отвергаться, либо подвергнется решительной трансформации под воздействием окружающего контекста», так как для принятия инновации необходима «достаточно мощная социально-классовая поддержка» [6, 19].

С. И. Левикова условно называет результаты диалога культур «прибавлением», «усложнением» и «обеднением или эрозией». Так, «прибавление» предстает как постоянный процесс культурной диффузии: привнесение элементов молодежной субкультуры в доминирующую культуру и наоборот. Другим результатом культурного взаимодействия является «усложнение» взаимодействующих культур, «возникающее вследствие действия закона перехода количества в качество», в результате чего они переходят на иную ступень развития

[5, 252]. Процесс эрозии в большей степени затрагивает молодежную субкультуру, которая бывает хрупкой и нестойкой, и заключенной в ней «энергетики» достаточно лишь для того, чтобы как-то выделиться в составе господствующей культуры, приобрести в ней различимость. Такая субкультура может начать стагнировать под влиянием другой культуры и исчезнуть без следа.

Является очевидным, что подобные результаты подготавливаются постепенно, иногда незаметно, исподволь в процессе крупномасштабного по длительности взаимодействия культур (и молодежных субкультур как их разновидности), занимающем не менее нескольких десятилетий [1]. В рамках же краткосрочной ретроспективы, которой располагает наше исследование, результаты взаимодействия субкультур могут оказаться неоднозначными или неподдающимися оценке. Вдобавок субкультуры одного региона не имеют глубокого разрыва по типологическим характеристикам, по способности к динамическим изменениям, по уровню внутренней дифференциации, что еще больше усложняет задачу. В частности, мы можем столкнуться со сложностью или даже невозможностью определить, какая культура или субкультура стала источником того или иного заимствования, или присвоение каких элементов других субкультур вызвало эрозию/ассимиляцию или, наоборот, усложнение/обогащение субкультуры реципиента.

С другой стороны, «история человеческого общества фактически не знает примеров абсолютно изолированного культурного <...> развития, без непосредственного или более отдаленного взаимодействия и взаимного влияния между отдельными участками» [3, 20]. Поэтому нам кажется научно обоснованным считать современное состояние молодежных субкультур Хабаровского края результатом их взаимодействия с другими культурами и субкультурами и, следовательно, чтобы изучить этот результат, нам необходимо провести анализ их культурных кодов.

Особое внимание здесь следует уделить музыке, поскольку именно она явилась одним из основных факторов формирования многих субкультур, задав им такой вектор структурирования культурных элементов, когда музыкальные образы, язык и средства выразительности приобрели значение смысложизненных ориентиров. Субкультура панков возникла в начале 1970-х гг. в США и в Великобритании с появлением стиля «панк-рок», когда под влиянием Beatles и Rolling Stones стало появляться много молодежных команд, которые несколько видоизменили традиционное звучание рок-н-ролла, внедрив туда быстрые ритмы и простые рифмы.

В этих же странах и практически в то же самое время зарождается субкультура металлистов, инициированная развитием из хард-рока музыкального жанра металл. К типичным элементам жанра относятся неоднократно повторяемые короткие музыкальные фрагменты, искажённые специальным звуковым эффектом, продолжительные гитарные соло и воинственный ритм. Металл имеет достаточно большое число стилей от сравнительно «мягких» (хеви-металл, пауэр-металл) до весьма «тяжёлых» и неприемлемых для большинства неподготовленных слушателей (дэт-металл, блэк-металл).

Субкультура готов сформировалась в начале 80-х гг. прошлого века вокруг жанра готик-рок, который первоначально был тесно связан с панк-роком, хотя и отличался от него более медленным ритмом исполнения, меньшей тяжестью, минорной мелодикой и использованием драм-машины вместо живых ударных. В конце 70-х гг. от панк-рока обособляется жанр хардкор-панк, и в середине 80-х гг. появляется его подвид – эмо, основанный на сильных эмоциях в голосе вокалиста и мелодичной, но хаотичной или полностью отсутствующей музыкальной составляющей. Субкультура эмо возникла приблизительно лет через пятнадцать, в начале XXI века.

Таким образом, субкультуры панков, металлистов, готов и эмо произошли от одного музыкального направления – рока. В отличие от них музыка субкультуры хип-хоп имеет афро-американские и ямайские корни, и ее возникновение (как и возникновение самой суб-

культуры) относят к концу 60-х гг. XX века в Южный Бронкс (черное гетто Нью-Йорка). Музыка хип-хопа состоит из двух основных элементов: рэпа и ритма, задаваемого ди-джемом, также ей характерно семплирование (использование фрагментов чужих композиций), манипуляции с виниловыми пластинками и иногда «битбоксинг» (вокальная имитация ритма драм-машины).

У остальных молодежных субкультур, хотя и не являющихся «музыкальными» по своему происхождению, музыкальная составляющая знакового уровня также велика. Поэтому мы уделим рассмотрению музыкальных предпочтений представителей молодежных субкультур Хабаровского края несколько больше внимания. Так, представители субкультуры аниме являются поклонниками J-Rock (японского рока) и J-Pop (японской поп-музыки), которые очень часто являются саундтреком к тому или иному мультфильму аниме. Многие анимешники слушают альтернативный рок и классическую музыку, но на аниме-пати звучат песни только J-Rock исполнителей.

Стрейтэджеры выбирают хардкор, хеви-металл и фанк, примечательно то, что они не только называют среди любимых исполнителей местные группы такие, как «Midheaven», «Ginger Swan», «Аскет», «Альтера», «Black bird», «State of Mind», но и сами являются гитаристами в некоторых из них. Среди спортсменов и гопников нет ярко выраженных музыкальных предпочтений, спортсменами назывались рок, хип-хоп, ритм-энд-блюз, хаус, транс, гопниками – рэп, клубная музыка, шансон, хаус; многие из них не смогли ответить на этот вопрос. Один эколог любит популярную, второй – классическую музыку.

Если рассмотреть современные пристрастия «музыкальных» молодежных субкультур, то можно установить, что среди металлистов много любителей альтернативного рока и классической музыки, которая, по их мнению, по своей интеллектуальной нагрузке близка к «тяжёлой» музыке. Не обходят вниманием они и творчество таких групп родного для них Комсомольска-на-Амуре, как «Evilwinged», «Forgot», «Стигмата», «Black SunRise», «Offertum». Кроме панк-рока панки увлекаются еще и хардкором и являются фанатами групп из Хабаровска и Комсомольска «Кони Буденного», «The Happy End's», «Prilife», «Клуб завтрак». Готы слушают преимущественно тяжелый металл и альтернативный рок, некоторые – классическую музыку; эмо – рокопопс, клубную музыку, драм-н-бейс, панк-рок; рэперы – рэгги, соул, ритм-энд-блюз, брейк-бит, клубную музыку, шансон.

Как мы видим, хотя конкретизировать принадлежность определённого музыкального стиля к какой-либо одной субкультуре достаточно сложно, в целом молодёжные субкультуры предпочитают рок, рэп, классическую и поп-музыку. Но классическая и поп-музыка – это направления мейнстрима, поэтому мы рассмотрим только рэп и рок, так как их фанаты являются наибольшими субкультурными антагонистами.

Готы отвергают рэп как музыку афро-американского происхождения, панки и хип-хоперы также никогда не отличались дружелюбием друг к другу, хотя их несколько объединяет протест против общественного уклада. Соответственно, любители рэпа резко противопоставляют область своих музыкальных предпочтений не только рокерам, но и поклонникам поп-рока. Однако жестоких столкновений все-таки не происходит, поскольку на родной почве рэперы осваивают тематику, тяготеющую к отечественной бардовской традиции, что объясняет внимание рэперов к шансону.

Обратим также внимание на то, что субкультура рокеров не только самая устойчивая во времени, но и самая закрытая по отношению к другим молодежным музыкальным субкультурам. К шансону рокеры безразличны, снисходительно относятся к электронной музыке, утверждая ее производность от панк-рока; любителей рокопопса считают юнцами-дилетантами и с пренебрежением отзываются об эмо, т.к. эмо не идет дальше эпатажной одежды.

Следует заметить, что поиски новых путей развития музыки никогда не заканчиваются, и довольно часто это развитие идет по пути синтеза различных стилей и жанров музыки.

На сегодняшний день уже созданы такие виды и подвиды музыки, как готик-металл, эмо-панк, рэп-рок, фанк-металл, панк-металл, скейт-панк, неоклассический металл, гот-панк, рэп-металл, панк-фанк, что делает нечеткие границы между субкультурами еще более размытыми.

Музыкально-информационная среда создаёт в субкультурных молодёжных образованиях особый социальный микроклимат, в котором осуществляется коммуникативный обмен мнениями, смыслами и установками. Музыкальные кумиры оказывают основополагающее влияние на выработку ценностей и идеологий молодёжных субкультур, выражая лозунги, императивы молодёжных настроений, осмыслений мира и протеста.

Среди музыкальных групп Хабаровского края своей направленностью на критику существующего порядка известны песни панк-групп «Кони Буденного», «Prilife», «Камуку?Да!» и рок-команды «Альтера»: «Над головой взвьётся великодержавный стяг, а патриотизма дух иссяк. Всё, что было свято, падает в цене, нацию съедает коммерческая смерть» («Альтера»). «Страшно, когда ты болен СПИДом, страшно, когда дети инвалиды, страшно, когда младший брат ботает по фене, страшно, когда дочь гуляет по вене» («Кони Буденного»). «Кусаются цены за зад непременно, кредитки застряли в пазах. Мелькают витрины стоят манекены, тоска в их стеклянных глазах» («Prilife»).

Но если «Альтера» и «Камуку?Да!» рекомендуют своим слушателям занять активную жизненную позицию: «Мы терпеливо ждём снова перемен, доверив их другим, но как-то криво ложится этот груз на плечи их. Наверно лучше идёт такой процесс, когда лишь о себе мы твёрдо помним и говорим: „Всё будет ОК!“» и «Ненавидеть все, что не похоже на привычный серый колорит легче, чем спросить себя: „Может все же это надо как-то изменить?“, то панки из группы «Кони Буденного» считают, что «лучшее средство от боли в голове, конечно, гильотина» и выступают за войну как способ борьбы с проблемами общества: «Да здравствует ядерная война! Умрут фашисты, умрут коммунисты, и много кому предстоит умереть, но зато у нас не будет дурных президентов, и плохие певцы нам не будут петь. <...> И пусть умрет много добра, но сдохнет и всякая скотина».

Эти песни, на первый взгляд малосодержательные, не стоит рассматривать с точки зрения общепринятых стандартов как низкопробные любительские опусы; да их авторы и не претендуют на сверхпопулярность. Это всего лишь типичные образцы своеобразного протестного антиискусства, каким и является субкультура панк-рока.

Панки не хотят «быть на позитиве» и ждать перемен к лучшему, поскольку они не верят в светлое будущее: «Вот и настали черные деньки, скоро наступят черные года. Сердце, как память, бьется от тоски, скоро наступит черное всегда» («Кони Буденного»). Они уверены, что жизнь сегодняшним днем оправдывает их склонность предаваться порокам. В их песнях много внимания уделяется таким темам, как пьянство и беспорядочный секс: «Антар, Антар, здесь моя тусовка. Антар, Антар, здесь бухают жестко» («Дайте нам оторваться»); «Девчонки будут очень-очень рады, ведь всем известно – парни мы «что надо», но только вот случилась засада – у всех у нас теперь трихомонада» («Кони Буденного»).

Следует заметить, что если к пьянству относятся снисходительно и многие другие субкультуры: «А че у вас там, как по «жидкому» вопросу? В поисках влаги пацы истоптали до дыр кроссы. Водичка такая, что оближешь пробочку, поэтому советую сразу целую коробочку» – рэперы («Пума и Коля Найк»), то их отношение к наркотикам в текстах не афишируется или же демонстрируется их отрицание: «Тебе мешает жить только игла, услышь разума стук, выйди из этого города зла и забудь вены колотых рук» («Кони Буденного»); «Женщине, девушке курить некрасиво, но курить не заставишь бросить силой» («М.Ч.С.»).

Большое внимание уделяется проблеме свободы человека, но у каждой субкультуры

свое представление о ней. Для панков это анархия: «У меня есть тру панк один, зовут Рипа и он всеми любим. За анархию он прёт вперед и на законы на все плюёт» («Дайте нам оторваться»), у рокеров – нравственная чистота: «Береги свободу! Но не ту, что стала вседозволенностью где-то. Береги свободу внутреннего, высшей силой данного нам, света. Не ищи соблазнов там, где бродят бесы и ликует подворотня. Двери на замок от того, что стало с нами, но не идёт нам впрок» («Альтера»). Для готов свобода – это свобода от людей, это одиночество и эгоизм, возведенные в культ: «Мы одиноки – слепые пророки в мире, где солнце родит лишь ожоги; в мире, где правда считается ядом, и никому помогать здесь не надо» или «И никто нам не нужен, никого мы не любим. <...> Не терпеть сострадания, не испытывать жалость – это всё, что мы можем, что нам делать осталось» («Otto Dix»).

Поскольку в данный момент мы рассматриваем содержательно-смысловую компоненту творчества «музыкальных» субкультур, то необходимо отметить субкультуры рэперов и металлистов, которые отводят тексту решающую роль в своей музыке. Тем не менее, это сходство не сближает указанные субкультуры, а, наоборот, служит камнем преткновения между ними. Металлисты критикуют рэперов за гипертрофированную эксплуатацию сексуальности, использование ненормативной лексики и попытки подвести идеологию под примитивные речитативы («бурчание похабной брани в микрофон с последующим выкладыванием в Интернет на всеобщее обозрение») и считают рэп «забавой одноизвилинных подростков». Поэтому общение рэперов с металлистами вызывает взаимное отторжение и становится конфликтным.

Таким образом, музыкальные стили и направления в коммуникативной сфере молодёжных субкультур выполняют разъединяющее-объединяющие функции. Дифференцирующая роль музыкальных предпочтений проявляется в разделении молодежи на множество субкультур на основе увлечения тем или иным музыкальным направлением или исполнителем. Их объединяющая роль находит свое выражение в групповой интеграции, которая происходит на платформе унификации ряда социокультурных признаков, тесно связанных с музыкальными предпочтениями.

Результаты взаимодействия молодежных субкультур можно проследить и за пределами музыки. Несомненна связь аниме с панками и эмо, которые часто являются персонажами мультфильмов и рисунков. Что касается готов, то существует целое направление аниме, которое отражает основные признаки готической культуры. Это, во-первых, мрачная и пугающая атмосфера, царящая на протяжении всего времени просмотра; во-вторых, две противоборствующие стороны – тьма и свет, причем светлая сторона не является благородной и правильной; в-третьих, безысходность, низость и зависть обычных «серых» людей, помогающих попеременно то белой, то черной стороне. Как у «Otto Dix»: «Чьих-то амбиций заполнит пробелы тот, кто не чёрный, тот, кто не белый. Тот, кто не будет замечен богами – серая масса, пыль под ногами». Но в целом, у анимешников отсутствует какая-либо выраженная идеология, они просто пребывают в своем мире, а так как аниме проникнуто истинно японским духом и взглядом на вещи, многие его поклонники погружаются в историю и практики Японии, понемногу изучают чужой язык и чужую культуру.

Некоторые эмо любят рисовать аниме и мангу, что сближает их с анимешниками, многие выступают сторонниками здорового образа жизни и веганизма, то есть являются одновременно и стрейтэджерами.

В среде молодежных субкультур не утихают споры, кто из них «тру», а кто «позер», «говнар», «педовка» «пинкис» и тому подобное, то есть, кто является подлинным готом, панком, эмо и так далее, а кто только копирует их типичный внешний облик – стиль. Общая

интенция этих внешне стиливых различий – акцентировать посредством эпатажа свою особенность, в действительности являющейся претензией на неординарность и значительность. Стиль помогает подчеркнуть свою принадлежность к определенной молодежной субкультуре и обособиться от других группировок: «Являюсь членом субкультуры под названием Hardcore kid straightedge, так как мне близок этот стиль, я выражаю его своим внешним видом: борода, одежда, интересы соответственно – все это я не скрываю. Люди, впервые увидев меня, сразу понимают, к какой субкультуре я отношусь» [самозапись]. Поскольку это так важно для самих молодых людей, рассмотрим, что же представляют собой стиливые характеристики внешности представителей различных молодежных субкультур Хабаровского края.

Самыми яркими и легко распознаваемыми молодежными субкультурами на сегодняшний день являются готы и эмо.

У готы наиболее характерной чертой как у парней, так и у девушек являются длинные ниспадающие волосы, которые красят в иссиня-черный цвет, иногда оставляя красные пряди, хотя можно увидеть ирокезы или ярко-рыжий цвет волос. На лицо наносится плотный слой белой пудры, глаза обводятся толстыми черными линиями, губы красятся в ярко-красный или темно-коричневый цвет. У представителей субкультуры не существует каких-либо определенных марок одежды, к которым они тяготеют или которые считают модными. Девушки-готы обычно носят повседневную одежду черного цвета или темных тонов, иногда длинные плащи, балахоны, платья с глубоким декольте; юноши – черные рубашки или футболки. Одна девушка-студентка вуза написала, что ей «нравится одежда средневековой эпохи», а другой респондент, учащийся школы, определил стиль своей одежды, как «похоронный».

Обувь готы – длинные шнурованные ботинки или сапоги до колена, на высокой платформе, кеды или армейские берцы. Наличие/отсутствие пирсинга зависит от личного вкуса и не является обязательным атрибутом, хотя некоторые готы отметили, что любят пирсинг в большом количестве, особенно на лице. Часто используются кожаные и меховые аксессуары, реже – шипованные ошейники и браслеты. И девушки, и юноши носят серебряные или серебристые украшения оккультной тематики: черепа, гробы, кресты, пауки, анкх (египетский символ вечной жизни) и перевернутые пентаграммы.

Традиционной причёской эмо считается косая, рваная чёлка до кончика носа, закрывающая один глаз, сзади короткие волосы, торчащие в разные стороны, причем предпочтение отдаётся жёстким прямым чёрным волосам. У девушек возможны детские, смешные причёски, яркие, блестящие заколки, ободки и бантики. Они усиленно культивируют кукольный образ, используя светлый тональный крем, ярко подводя глаза и крася губы под цвет кожи. Эмо носят одежду с двухцветным узором или в полоску черно-розового цвета, хотя вместо розового допускается фиолетовый, зеленый и темно-синий цвет. В их среде популярны зауженные джинсы черного или пепельно-синего цвета, клетчатые «дудочки» и юбочки, обтягивающие футболки с изображением персонажей мультфильмов. Любимая обувь эмо – тяжелые «шусты» и кеды, желательны со шнурками отличных друг от друга оттенков. Две девушки написали, что любят одеваться «креативно», поэтому они заказывают через интернет одежду таких знаменитых брендов, как «Кира Пластинина», LOFT и UFO.

Пирсинг – важная составляющая имиджа эмо, они прокалывают уши, губы, брови, левую ноздрю, щеки: «У меня даже язык проколот!». Еще одна особенность – тоннель – большое отверстие (до 20 мм) в мочке уха, которое создается при помощи специального расширителя и, при необходимости, круглого скальпеля панча. Представители того и другого пола украшают свои руки разноцветными (обычно силиконовыми) браслетами, напульсниками и

веревочками, юноши могут надеть напульсники с шипами и беспальцовки (кожаные перчатки с обрезанными пальцами), девушки – полосатые гетры. Эмо носят большие «почтовые» сумки или рюкзаки, в которых хранятся мягкие игрушки, чаще всего мишки, и на которых (а также на одежде и даже обуви) навешаны «всякие там брелочки, значочки» [самозапись] по принципу, чем больше, тем лучше.

Внешне представители субкультуры аниме, как правило, ничем не отличаются от обычных людей (которых анимешники называют коммон – русскоязычное произношение английского слова *common* – обычный). Хотя иногда девочки надевают белые блузки и короткие юбочки, галстуки и полосатые гетры, а мальчики – черные очки и длинные кожаные плащи. Чтобы еще больше походить на любимого персонажа из мультсериала, и те, и другие могут окрасить волосы в неестественные яркие цвета, заплести их в мелкие косички или сделать рваную стрижку. Анимешники любят украшать себя бусинками и фенечками, цеплять на сумки или одежду множество значков и даже пушистые хвосты.

Наиболее ярко выраженным олицетворением сложившихся в обществе стереотипов о панках является ирокез и джинсы с дырами, заколотыми английской булавкой. На самом деле, больше всего панки экспериментируют с волосами: выбривают виски или всю голову, красят волосы в шахматном порядке, в пятнышко, в полоску, используя для этого самые невероятные цвета. Представители субкультуры любят «выделяться на фоне толпы» и яркими красками одежды фирм Circa, Nelson, Nike или O'Neil, которую покупают в магазинах Crocodile и Lime (Комсомольск-на-Амуре), или их китайскими аналогами с вещевого рынка.

Они носят футболки с логотипами панк-групп, кожаные куртки-«косухи», тяжелые ботинки, берцы, кеды, тапки «а-ля 80-е», девушки могут надеть короткую юбку в клетку и гетры разного цвета. Панки наносят черепа, кости и знак «Анархия» на одежду и аксессуары, облачают себя в ошейники и напульсники из кожи с шипами и заклёпками, беспальцовки, прицепляют к джинсам цепи от собачьих поводков. Не отказываются от пирсинга и татуировок.

Одежда металлистов во многом пересекается с байкерской (многие байкеры являются металлистами и наоборот), кроме всего перечисленного байкеры надевают на голову бандану темных тонов или черную вязаную шапочку. Они могут носить спортивную одежду, а логотип рок-группы поменять на символику мотоклуба. Специфически субкультурной символикой являются изображения черепа, обозначающие, с одной стороны, близость смерти и отсутствие страха перед ней, с другой – обладающие функцией оберега («смерть подумает, что я уже мертвый и не будет забирать»). Некоторые представители обеих субкультур иногда отпускают длинные волосы, усы, бороды.

Субкультура хип-хопа на протяжении более чем сорока лет своего существования сохраняет ряд характерных особенностей. Одежда, как правило, свободная, спортивного стиля: кроссовки, банданы, черные вязаные шапочки и бейсболки (обычно с прямыми козырьками), футболки и баскетбольные майки, куртки и толстовки с капюшонами, надвинутые на брови лыжные шапки, мешковатые штаны (так называемые «трубы»), приспущенные широкие шорты. Прически короткие, хотя распространены и короткие африканские косички, возможны узкие и длинные бородки. Популярностью у рэперов пользуются массивные украшения (цепи, медальоны и пр.).

Как видно из данного выше описания типичной внешности представителей различных субкультур, практически невозможно идентифицировать принадлежность молодых людей к определенной субкультуре по какому-либо одному, а временами даже группе признаков. Например, спортивную одежду надевают не только паркурщики, байкеры, но и хип-хоперы, панки, гопники, да и кто угодно. Кожаная куртка-«косуха» является общим элементом кос-

тюма у байкеров, панков и металлистов, короткие юбочки в клетку и полосатые гетры – у эмо, аниме и девушек-панков; практически все «музыкальные» субкультуры носят футболки и толстовки с логотипами любимых исполнителей и групп.

Раскрашивают волосы в яркие, иногда абсолютно «дикие» расцветки и панки, и эмо, и аниме, и некоторые представители готов; отпускают бороды – и хип-хоперы, и байкеры, и металлисты. Шипованные ошейники и браслеты, а также беспальцовки «украшения» готов, панков, металлистов; разноцветные бусинки, веревочки, фенечки – эмо и аниме. Символика смерти привлекает металлистов, готов, панков, эмо и байкеров; несчастной любви – готов и эмо; знак «X» (символ приверженцев здорового образа жизни) является не только единственным средством самоидентификации стрейтэджеров, но и обязательным компонентом ников эмо. Любителей делать пирсинг и наносить на тело татуировки можно найти во всех молодежных субкультурах.

Кроме того, сегодня появляется обще молодежная атрибутика, которая активно вбирает в себя традиционные элементы атрибутики различных и даже не всегда молодежных субкультур, что затрудняет возможность четкого различия по внешним характеристикам представителей неформальных движений и лиц, не имеющих к ним отношения.

Таким образом, стереотипный образ является регулятором отношений между различными слоями общества и субкультурами, выступая то в качестве диалога между ними, то в качестве разделительной черты, отделяющей их друг от друга. Он проявляет себя в качестве компенсатора, приобщая индивида к какому-то кругу и помогая тем самым человеку избавиться от чувства изолированности. Но стереотипный образ может выступать и культурным барьером, препятствующим нормальному взаимодействию между субкультурами.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что особенностью взаимодействия молодежных субкультур края является ограниченность территории, на которой разворачивается субкультурная активность молодежи. Недостаток пространства ставит молодых людей перед необходимостью вступать в более тесные культурные контакты друг с другом, что, в свою очередь, форсирует взаимопроникновение различных субкультур через активный обмен культурными достижениями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесова, Г. А. PSYLIB® – Культурология. XX век. Энциклопедия / Г. А. Аванесова // [Электронный ресурс]. – (Рус.) – www.psylib.ukrweb.net/books/levit01/txt020.html
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин; сост. С. Г. Бочаров; текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад: избр. труды / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979. – 493 с.
4. Колесин, И. Д. Подходы к изучению социокультурных процессов / И. Д. Колесин // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 131-132.
5. Левикова, С. И. Феномен молодежной субкультуры: Социально-философский аспект: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / С. И. Левикова. – М., 2005. – 361 с.
6. Матвеева, С. Я. Субкультуры в динамике культуры / С. Я. Матвеева // Субкультурные объединения молодежи: критический анализ / Под ред. И. Кучмаевой. – М., 1987. – С. 16-23.
7. Сагатовский, В. Н. Диалог культур и «русская идея» / В. Н. Сагатовский // Возрождение культуры России. Диалог культур и межнациональные отношения. Вып. № 4. – СПб., 1996. – 388 с.
8. Щепанская, Т. Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этногр. исслед. системы, 1986 – 1989 гг. / Т. Б. Щепанская; отв. ред. К. В. Чистов; РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб.: Наука, 1993. – 340 с.